

В. М. Живов

Палатальные сонорные у восточных славян: данные рукописей и историческая фонетика

Палатальные сонорные в восточнославянской исторической фонетике находятся на положении бедных родственников, о них упоминают вскользь как о скоротечном явлении, стоявшем на периферии восточнославянской фонологической системы и исчезнувшем из нее без связи с другими явлениями, как случайное излишество. Такая трактовка обусловлена нечеткостью в определении относительной хронологии исчезновения палатальных сонорных в восточнославянском, что в свой черед вызвано неадекватной интерпретацией правописания восточнославянских рукописей. Значительная часть исследователей до сих пор придерживается той точки зрения, которая была в свое время сформулирована Н. Н. Дурново.

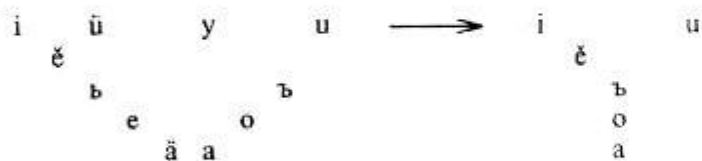
1. Перечисляя в своем «Очерке истории русского языка» общерусские (т. е. общевосточнославянские) изменения звуков, имевшие место в доисторическую эпоху, Н. Н. Дурново относит к ним смягчение согласных перед передними гласными (Дурново 1924, 144 сл.). По мнению Дурново, в восточнославянских говорах (равно как и в лехитских, но в отличие от южнославянских) согласные перед передними гласными сделались из полумягких мягкими, что привело к слиянию «исконно мягких» (т. е. палатальных \bar{l} , \bar{n} , \bar{r} из $*lj$, $*nj$, $*rj$) с новыми мягкими, возникшими в результате смягчения (которое может именоваться «вторичным», дабы отличить его от общеславянских палатализаций и преобразований сочетаний с /j/). Правописание древних рукописей, на взгляд Дурново, безусловно свидетельствует о том, что восточнославянские писцы не различали в своем произношении

палатальных \bar{l} , \bar{n} , \bar{r} и «смягченных» l' , n' , r' перед гласными i , e , \bar{e} , равно как и перед рефlekсами $*\bar{e}$. Перед e противопоставление имело место, поскольку «правильное различие ϵ и κ после n , l [в южных восточнославянских памятниках XI в. — В. Ж.] не может объясняться как чисто орфографическое явление и, следовательно, указывает на произношение самих писцов» (1924, с. 149). Такое произношение, однако, «было только книжным или литературным и не совпадало с живым русским произношением» (1924, 149–150). Таким образом, Дурново утверждает, что интересующая нас оппозиция была утрачена восточнославянскими говорами еще до возникновения письменности.

Данный вывод Дурново делает, основываясь на интерпретации правописания в восточнославянских рукописях XI–XII вв. Отсутствие оппозиции палатальных и палатализованных сонорных в говоре писцов доказывается тем, что те из них, которые употребляли особые обозначения для палатальных сонорных, употребляли их недостаточно последовательно. Во-первых, даже в тех памятниках, где обозначения для палатальных сонорных употреблены правильно (т. е. в соответствии с этимологией), эта правильность, по выражению Дурново, «однобокая: если писцы не делают ошибок там, где пишут их [κ , η . — В. Ж.], то зато они очень часто пишут n , l там, где следовало бы писать те же буквы с крючком» (1924, 145–146). Во-вторых, отнюдь не являются редкостью такие случаи, когда обозначения, предназначенные для палатальных сонорных, появляются в формах, содержащих непалатальные (палатализованные) сонорные. Например, во втором почерке Архангельского евангелия Дурново обнаруживает «стремление писать κ в соответствии со ст.-сл. κ или λ после n , l мягких, и букву λ в соответствии со ст.-сл. после немягких и после шипящих... Но писцу не удается выдержать ст.-сл. орфографию. Он часто пишет λ после l , n , r , s вместо κ : *волаше*, *молахоу са*, *храише*, *варлю*, *лазорь*, *сентъ-мвръ*, *разарьта*, *самаранъ*, *вьса*, *вьсакъ* (много раз) и т. д.; с другой стороны, употребляет букву κ после m . *има* (много раз), *ма* (много раз), *время*, *керема*, а иногда и после других букв: *влоудя* (запись)» (1924, 146–147; ср.: Дурново 1924а, 600–605). В особый случай Дурново выделяет положение перед /e/, поскольку по крайней мере в одном обследованном им памятнике (втором почерке Архангельского евангелия) он обнаруживает вполне последовательное написание κ после палатальных \bar{l} , \bar{n} и ϵ «после о.-сл. немягких согласных» (1924, 148; ср.: Дурново 1924а, 607–611). Отсюда он делает вывод, что в положении перед

/e/ /i, ñ, и l, n различались, но, поскольку фонетической мотивации для такого особого статуса позиции перед /e/ он не находит, он относит данное различие исключительно на счет книжного произношения, не совпадавшего с живым.

Обратимся сначала к собственно лингвистическим импликациям данной концепции. Совпадение палатальных сонорных с «новыми мягкими», образовавшимися в результате «нового смягчения» согласных перед передними гласными, т. е. с палатализованными сонорными /i', n' означает, что в восточнославянских диалектах утверждается фонологическая оппозиция твердых и мягких, причем естественно думать, что это новое противопоставление распространяется не только на сонорные, но и на шумные согласные. В этом случае фонологическая система подверглась радикальному преобразованию: противопоставление гласных по ряду сделалось для большинства фонем аллофоническим, зависимым от твердости или мягкости предшествующего согласного (как в современном русском языке), т. е. общевосточнославянская система гласных трансформировалась следующим образом:

При этом у фонем /i, u, ь, o, a/ после мягких выступают аллофоны [i, ü, ѳ, e, ä], а после твердых [y, u, ь, o, a].

В плане относительной хронологии такое преобразование должно было бы иметь место после деназализации носовых гласных, поскольку в ином случае носовые образовали бы такую же аллофоническую пару, как и другие противопоставленные по ряду гласные, т. е. мы имели бы фонему /ɔ/ с аллофонами [ɛ] после мягких и [ɔ] после твердых согласных; процесс деназализации должен был бы при этом выглядеть достаточно странно, так как имело бы место расщепление одной фонемы на две с абсолютно разными фонетическими признаками: [ɛ] давал бы [ä], т. е. гласную нижнего подъема, совпадающую с передним аллофоном фонемы /a/ (например, в им. ед. /vol'a / волѧ), [ɔ] давал бы [u], т. е. гласную верхнего подъема. Этот процесс должен был бы следовать и за монофтонгизацией дифтонгов, поскольку в ином

случае оказывалось бы необъяснимым наличие мягких согласных перед рефlekсами этих дифтонгов. Предшествовать этому процессу должно было также преобразование *el и *yl в -olo-, -yl(y)-, поскольку в ином случае мы имели бы мягкие /m' / и /v' / в *молоко* и *волк* (ср.: Шевелов 1979, 172). Более того, образование корреляции твердых и мягких согласных целесообразно было бы относить ко времени после второй палатализации (хотя строгой зависимости здесь нет), поскольку в ином случае в эту корреляцию должны были бы входить и фонемы /k-k', g-g', x-x' /, и эта система, едва возникнув, начала бы разрушаться, так как мягкие корреляты заднеязычных выпадали бы из корреляции и совпадали со свистящими. Однако и относя возникновение корреляции твердых и мягких (в качестве постулированного Дурново самостоятельного изменения) ко времени после второй палатализации, мы также попадаем в логическую ловушку: этот особый общевосточнославянский процесс приходится на время после процесса, не имевшего общевосточнославянского характера, причем в древнегородском диалекте, не пережившем второй палатализации, дает те же результаты, что и в других восточнославянских говорах.

Исчезновение палатальных сонорных как отдельных фонем можно, естественно, не связывать с возникновением корреляции твердых и мягких согласных. Одновременное рассмотрение истории палатальных сонорных и истории корреляции твердых и мягких согласных часто основывается лишь на терминологической путанице, при которой не различается палатальность (место образования) и палатализованность (признак окраски). В принципе, однако, можно считать, что в части славянских диалектов /i совпало с /i, ñ совпало с /n (равно как и /r с /r) в результате отдельного фонетического изменения. Поскольку палатальные сонорные были дистрибутивно ограничены положением перед передним гласным, они в ходе последующего развития, после развития корреляции твердых и мягких согласных, дали рефlekсы /i', n', представленные в современных славянских языках, обладающих оппозицией твердых и мягких. При такой трактовке никаких сложностей с относительной хронологией не возникает, слияние палатальных сонорных с непалатальными может сколь угодно сильно предшествовать возникновению корреляции твердых и мягких, и единственным ограничением для этого слияния оказываются начальные моменты распада общеславянского языкового единства. Действительно, изоглосса, разделяющая диалекты, сохранившие

противопоставление палатальных и непалатальных сонорных (сербохорватский, македонский, словенский, в реликтовой форме словацкий и чешский), и диалекты, утерявшие это противопоставление, четко располагается в современном славянском лингвогеографическом пространстве, что указывает на разделение, имевшее место после расселения славян и начала процессов дезинтеграции языкового единства.

Формально такое решение может быть удовлетворительным, однако оно игнорирует то важное обстоятельство, которое имел в виду Дурново, создавая свое построение: наличие палатальных сонорных находится в зависимости (обратной) от существования корреляции твердых и мягких — там, где сохранились палатальные сонорные, отсутствует корреляция по мягкости. Такая зависимость побуждает постулировать причинно-следственные отношения. Поскольку исчезновение палатальных сонорных никаким образом не могло обусловить появление корреляции по мягкости у согласных в целом (скажем, у шумных), естественно думать, что именно появление корреляции по мягкости привело к исчезновению палатальных сонорных. Propter hoc означает post hoc. Из этого и исходил Дурново, рассматривая общее смягчение согласных как процесс, предшествовавший исчезновению палатальных сонорных или совладавший с ним по времени. Поскольку исчезновение палатальных сонорных он датировал доисторическим периодом, он должен был к тому же периоду отнести и смягчение согласных. Противоречия, к которым это его приводило, были разобраны выше.

Эти противоречия не возникают, если рассматривать установление корреляции твердых и мягких согласных как следствие падения редуцированных, общеславянского (и общевосточнославянского) процесса, накладывавшегося на специфику дифференцировавшихся к этому времени славянских диалектов. Возникновение корреляции обусловлено появлением оппозиции твердых и мягких в конце слова и перед согласным в результате исчезновения следовавших за ними гласных: /tverdъ — tverďъ/ → /tverd — tverď/; появление этой оппозиции в конце слова приводит к рефонологизации сочетаний согласных с гласными в других позициях: фонетические последовательности [t'ä] vs. [ta] перестают интерпретироваться как /t'ä/ vs. /ta/ и начинают восприниматься как /t'a/ vs. /ta/. Совпадение палатальных сонорных с палатализованными естественно рассматривать как одно из последствий этой перестройки фонологической системы: тройное про-

тивопоставление /l, n — l̄, n̄ — l', n'/ оказывается для системы слишком большой нагрузкой. Там, где корреляция по мягкости не возникает, нет причин и для устранения палатальных сонорных. При таком построении, однако, совпадение палатальных и палатализованных сонорных не могло иметь места ранее конца XII в. (см. сходное с изложенным построение: Шевелов 1979, 179—181). Такая датировка входит в противоречие с предложенной Н.Н. Дурново интерпретацией правописания рукописей XI—XII вв. и требует нового анализа рукописного материала.

2. При интерпретации обозначений палатальных сонорных необходимо иметь в виду, что особые знаки для них в славянской азбуке (как глаголической, так и кириллической) отсутствовали. Н. С. Трубецкой полагал, что св. Константин—Кирилл не изобрел особых букв для этих фонем (несмотря на последовательно фонологический характер созданного им алфавита), поскольку он ассоциировал их с греческими палатальными согласными. В греческом же такие согласные были свойственны народному произношению (результат слияния согласного с передней гласной) и с точки зрения образованных книжников оказывались приметой социально ущербного узуса. Это восприятие св. Кирилл мог перенести и на славянскую почву, отказываясь обозначать «vulgäre Nuances der Volkssprache» отдельными буквами (Трубецкой 1954, 30—31)¹.

Каковы бы ни были причины отсутствия особых букв для палатальных сонорных в стандартной азбуке, оно обуславливало ряд специфических моментов в употреблении применявшихся для их обозначения знаков. Типологически эта ситуация гождественна той, которая имеет место в русской письменности XIV—XVII вв. с обозначением оппозиции /δ/ и /σ/ (см. о последней: Зализняк 1990, 1—5, 27). Прежде всего способы обозначения маркированного члена оппозиции не унифицированы. В случае двух σ / δ / может обозначаться ω, σ широким, σ узким или σ с камерой (Зализняк 1985, 208—211; Зализняк 1990, 1—5). В случае палатальных сонорных также фигурируют и особая форма букв, и диакритики: палатальные сонорные могут обозначаться л, н (л и н с крючком), надстрочным знаком (камерой или точкой) и, наконец, написанием йотированной гласной буквы после палатального. Стоит отметить, что один и тот же писец мог пользоваться более чем одним способом обозначения палатальных (например,

во втором почерке Архангельского евангелия пишутся и *к*, и *и*, и йотированное *к*). Набор способов обозначения оказывается индивидуальным параметром (или, возможно, особенностью отдельных писцовых школ, для установления которых сохранившиеся рукописи XI–XII вв. явно не дают достаточного материала), так что нет возможности считать какой-либо способ обозначения стандартным и интерпретировать отклонения от него как фонетически значимые. В частности, во втором почерке Архангельского евангелия для обозначения палатальных употребляется *к*, но не употребляется *ка*, и из этого никак не следует, что в произношении писца, как думал Дурново, исследуемая оппозиция сохранялась перед /e/, но не сохранялась перед /ä/; можно лишь констатировать, что писец употребляет *к* и *ка* как синонимические буквы, т. е. следует практике, хорошо представленной в рукописях XI–XII вв. (например, во втором почерке Типографского устава), отражающей известный восточнославянский переход /ç > ä/ и никакой иной фонетической информации не сообщающей (ср.: Лант 1949, 83). Таким же образом обстоит дело и в основном почерке Выголексинского сборника, в котором также *к* применяется для обозначения палатальных, а *ка* не применяется.

Все эти способы обозначения выучивались — в отличие от букв, входивших в азбуку, — не при обучении грамоте (чтению по складам), а в качестве специальных профессиональных навыков (предположительно в скрипториях), поэтому одни писцы владели ими, а другие не владели. Обозначение палатальных сонорных было специальным умением, не необходимым для работы переписчика. Многие писцы палатальные сонорные вообще никак не обозначали, и это вовсе не свидетельствует о том, что соответствующей оппозиции не было в их живом или книжном произношении. Абсолютно неправомочно поэтому утверждение Н. Н. Дурново о том, что оппозиция палатальных и непалатальных сонорных была актуальна для южнорусских (т. е. украинских), но не для севернорусских писцов, обоснованное тем, что «в севернорусских минеях конца XI в. общеславянские смягченные и полусмягченные *л*, *н* перед *е* не различаются» (1924, с. 149). Единственный вывод, который можно сделать на этом основании, состоит в том, что писцов новгородских миней 1095–1097 гг. не научили обозначать палатальные сонорные: писцы этих рукописей вообще не отличаются высокой квалификацией. Известную аналогию этому можно видеть в употреблении букв *е* и *к*. В азбуке *к* тоже отсутствует, поэтому отдельные писцы употребляют эту букву и пи-

шут /e/ – *е*, /je/ – *к*, а другие писцы эту букву не употребляют и обходятся вообще без *к* (например, писцы так наз. новгородской миней 1095 г.). Это, конечно же, не значит, что они произносили /тоe/, а не /тоje/.

Поскольку обозначение палатальных не было обязательным вообще, оно не было обязательным и в пределах отдельной рукописи. В каком-то числе случаев писец мог не прибегать к особому способу обозначения, а писать попросту. Аналогией может служить непоследовательность в написании *ѣ* в современном русском языке — у тех носителей, которые употребляют эту букву. Как и все обозначения, связанные с дополнительными орфографическими правилами (не определявшимися азбукой), фиксация палатальных сонорных подчиняется принципу факультативности и характеризуется коэффициентом выраженности (тем параметром, который ввел А. А. Зализняк для способов фиксации /d/ – Зализняк 1990, 14–21). Коэффициент выраженности — это отношение числа фиксаций к числу всех релевантных случаев, в которых мог стоять фиксируемый элемент. Например, в Мстиславовой грамоте палатальные сонорные обозначаются йотацией следующего гласного. Фиксируются три случая: *донкѣже*, *осеньникѣ*, *въ нѣ*. В одном случае палатальный не обозначен: *оу него*. Коэффициент выраженности составляет 3/4, т. е. 75%.

В принципе, следует поставить вопрос о том, при каком коэффициенте выраженности можно говорить, что в рукописи отражается фонологическое противопоставление живого языка. Однозначный ответ здесь вряд ли возможен, однако в ряде рукописей XI–XII вв. этот коэффициент достаточно высок. Например, он превышает 50% в основном почерке Синайского патерика (Гольшенко 1987, 55–60), превышает 92% в Цветной триоди XI–XII вв. (РГАДА, ф. 381, № 138 — данные В. С. Гольшенко 1987, 75–82). Отметим, что картина передачи противопоставления палатальных и непалатальных сонорных существенно отличается в рукописях XI–XII вв. от картины передачи противопоставления носовых и неносовых гласных. Даже неадекватные попытки передачи последнего противопоставления для рукописей XI–XII вв. представляют исключительный случай (если отвлечься от фрагментов, он представлен только в Остромировом Евангелии); как правило, графическое противопоставление, присущее протографам, но не находящее соответствия в фонологической системе писца, не передается и консервируется лишь в окказиональных реликтовых написаниях. С противопоставлением носовых и неносовых глас-

ных такая ситуация складывается даже при том, что алфавит содержит специально обозначающие их буквы, выучивавшиеся при обучении чтению². Обозначение палатальных приобретает такой характер лишь в рукописях XIII в., тогда как многие памятники XI–XII вв. обнаруживают вполне сознательную установку на передачу оппозиции палатальных и непалатальных сонорных, одной из манифестаций этой установки и является достаточно высокий коэффициент выраженности³. Таким образом, ситуация с обозначением палатальных сонорных в рукописях XI–XII вв. существенно отличается от ситуации с обозначением иосовых гласных, и это может служить указанием на то, что в данный период различение палатальных и непалатальных сонорных на письме было основано на фонологической оппозиции, присущей живому языку.

3. Коэффициент выраженности – лишь один из показателей реальности оппозиции. Другой – по крайней мере, столь же важный – это случаи ошибочного написания, т. е. употребления маркированного знака там, где ему не место. Если таких ошибок много, очевидно, что писец употребляет соответствующие знаки (например, *л*, *н*) без системы, не знает, где их ставить. Ему известна орфографическая практика, фиксирующая палатальные сонорные, и он стремится ее имитировать, однако справиться с различением палатальных и непалатальных сонорных он не в состоянии. В этом случае скорее всего его орфографические опыты не поддержаны фонологическими характеристиками живого языка, а обусловлены лишь подражанием престижному правописанию.

Этот критерий нередко используется исследователями, однако его применение невозможно без ряда существенных оговорок. Прежде всего следует помнить, что, употребляя обозначения для палатальных согласных, писец – если он опирается на свое произношение – обращается к своему живому языку, т. е. к тому, как звучит записываемая им форма в его живой речи. В этом случае он руководствуется правилом типа: там, где слышится /*l̄*/, пишется *л*; там, где слышится /*n̄*/, пишется *н*. Для того, чтобы таким правилом воспользоваться, писец должен иметь возможность к нему прибегнуть, т. е. в его речи должна реально слышаться та форма, правописание которой он выясняет. Если искомая форма в живом языке не употребляется (или не выводится простым образом из употребляемых в живом языке форм), писец свое правило

применить не может. «Ошибки» писца должны определяться относительно его гипотетического разговорного узуса, а не относительно этимологии, которую писец не знал и которая его не интересовала. Зависимость воссоздаваемой картины от выбора точки отсчета может быть весьма ощутительной.

Так, например, В. С. Гольщенко полагает, что в говоре основного писца Синайского патерика оппозиции /*l̄* – *l̄*/ и /*n̄* – *n̄*/ слились с оппозициями /*l* – *l'*/, /*n* – *n'*/. Об этом, на ее взгляд, свидетельствуют «как единичные случаи графического обозначения бывшей полумякости согласных [т. е. употребление обозначений для палатальных согласных на месте непалатальных сонорных. – В. Ж.] ...так и значительно чаще представленные в СП¹ случаи необозначения исконной мягкости» (Гольщенко 1987, 95). О неосновательности последнего аргумента уже было сказано выше. Для того чтобы оценить первый аргумент, нужно обратиться к примерам. Количественно они немногочисленны, так что процент ошибок относительно случаев правильного употребления не высок и на путаницу в письменных навыках писца не указывает. Их состав следующий:

перед *и*: *вѣ. мѣнозѣ оуныни* 120.5, *истигни* 161об.15;
 перед *ѣ*: *дородѣтельмѣ* 176об.11, *ковѣкаль* 10.6, *ковѣкаль* 36.14,
нѣ 108.6, *зонѣ чѣтъць* 117об.10, *соуи'каль* 89.4, *не*
въгилмаше 149.18, *съгѣмѣ* 168об.12, *фелогѣ* 117об.15,
 118.1 (Гольщенко 1987, 61).

Легко видеть, что большинство из этих примеров ошибками в уточненном выше понимании назвать нельзя. Прежде всего слова *ковѣкаль*, *нѣ*, *зонѣ*, *соуи'каль*, *фелогѣ* являются заимствованиями книжного характера, которые в разговорной речи не встречались, а поэтому проверке не поддавались и могли писаться произвольно; писец мог при этом руководствоваться аналогией, рассматривая существительные м. рода на *-ль* по типу имен с суффиксом *-telj-*. Ряд слов можно считать определенно книжными, также в разговорной речи не встречавшимися. Таковы слова *дородѣтель* и *съгѣмѣ*, возможно, еще и *оуныни* и *въгилати*. Очевидно, что, не находя в своем разговорном узусе такого слова, как, например, *дородѣтель*, писец мог пренебречь его родовой характеристикой и дать его в той же форме, которая была ему привычна по многочисленным именам с суффиксом *-telj-*. Если исключить эти примеры, то остается лишь одна настоящая ошибка: *истигни* и не-

крышек; учитывая достаточно большой объем рукописи, одной ошибкой можно пренебречь, рассматривая ее как случайную опisku. При такой интерпретации Синайский патерик превращается в памятник, в котором вполне последовательно проведено противопоставление палатальных и непалатальных сонорных, памятник, указывающий не на нейтрализацию разбираемой оппозиции в говоре писца, а, напротив, дающий основания думать, что писец проверял написание с помощью своего живого произношения.

4. Как уже говорилось, реальность фонологического противопоставления, стоящего за графическим различием, соотносится с коэффициентом выраженности. При этом, однако, должен учитываться характер рукописи. Следует различать те случаи, когда графическая передача исследуемого противопоставления может быть приписана данной рукописи, и те, в которых эту передачу можно отнести на счет оригинала, с которого данная рукопись переписывалась. В первом случае даже относительно невысокий коэффициент выраженности свидетельствует о фонологической реальности противопоставления, поскольку единственным источником фиксации может быть лишь сам писец. Вопрос состоит лишь в том, руководствуется ли он при этом своим произношением или орфографическими правилами, которые на произношение не опираются. Последний случай легко обнаруживается, поскольку, не обращаясь к произношению, писец может фиксировать различие лишь в ограниченном числе классов форм, подчиняющихся простым правилам. В случае палатальных сонорных такими классами могут быть формы имперфекта, косвенные падежи местоимения *и*, формы с / *erphtheticum*; нет оснований предполагать, что писцы осваивали правила, позволяющие справиться с правописанием отдельных, не входящих в простые категории форм⁴. В силу этого, в частности, обозначение палатальных сонорных в Мстиславовой грамоте с коэффициентом выраженности 75% и при этом в формах, для которых, видимо, не было общего правила (например, *доньмльже*), может считаться вполне достоверным свидетельством того, что писец этой грамоты отличал палатальные сонорные в своем произношении. Это позволяет утверждать, что палатальные сонорные сохранялись в живом произношении по крайней мере еще в начале XII в. (учитывая характер текста, вряд ли воз-

можно считать, что писец Мстиславовой грамоты ориентировался в своем правописании на книжное произношение).

Свидетельства сохранения палатальных сонорных могут быть найдены, впрочем, и для еще более позднего времени. Таким свидетельством может служить Троицкий сборник конца XII – начала XIII в. (РГБ, Собр. Тр.-Серг. Лавры 12 – цит. по изд.: Поповски, Томсон, Федер 1988). Этот сборник содержит в перегруппированном виде Пандекты Антиоха. Как установил Н. Поповски (Поповски 1987; Поповски 1989, 120–134), Пандекты Антиоха в Троицком сборнике скопированы непосредственно со старейшей рукописи Пандектов – ГИМ, Воскр. 30 XI в. (цит. по изд.: Поповски 1989а), так что соответствующие рукописи представляют собой древнейшую в славянской письменности пару антиграф-апограф. Эта пара позволяет увидеть, как писцы конца XII – начала XIII в. преобразовали правописание копировавшейся ими рукописи XI в., приводя его в соответствие с орфографическими нормами своего времени. Стратегии разных писцов Троицкого сборника, общие характеристики вносившихся ими исправлений (такие, как устранение элементов одноеровой орфографии, перестановка еров и р, л в сочетаниях редуцированных с плавными, замена ж на оу или ю и т. д.), равно как индивидуальные черты каждого из писцов требуют особого анализа. Один момент, однако, имеет непосредственное отношение к обсуждаемой проблематике.

В рукописи Воскр. 30 палатальные сонорные никак не обозначаются, в рукописи Троицк. 12 один из писцов использует для обозначения палатальных сонорных *к*. Таким образом, в рукописи Троицк. 12 обозначения палатальных сонорных появляются вне зависимости от оригинала и, следовательно, могут быть приписаны данной рукописи. И рукопись Троицк. 12, и Воскр. 30 написаны несколькими писцами, орфографические навыки которых в ряде моментов не совпадают. Приводимые ниже примеры берутся из части, написанной первым писцом Троицк. 12, переписывавшим Пандекты⁵. На его долю выпала переписка текста, написанного двумя писцами Воскр. 30 – *А* и *В* по обозначению И. Поповского (1989, 69). Писец *А* практически не использует *к* (лишь в единичных случаях *к* появляется в начале слова и после гласной), тогда как писец *В* употребляет *к* чрезвычайно широко как в начале слова и после гласных, так и после согласных вне зависимости от их качества. Переписывая текст писца *А*, первый писец Троицк. 12 вводит *к* в начале слова, после гласных и после

палатальных сонорных, переписывая же текст писца В, он, напротив, устраняет написания *к* после согласных, кроме палатальных сонорных. Приведу примеры, предпосылая им корреспондирующие формы из рукописи Воскр. 30 (использованы указанные выше издания; для примеров из Троицк. 12 указывается лист и строка; для примеров из Воскр. 30 глава и стих в соответствии с членением, данным И. Поповским):

Воскр. 30 – А

глемь Р:1.5
 глемыа Р:2.4
 прѣстоупленна Р:3.13
 оустрьмленна 6:1.24
 зане 6:1.36; 6:1.85;
 23:4.31; 24:8.2
 вьнегда 6:1.40
 рачителе N.pl. 6:1.58
 ѿемлемь 7:2.23
 ближнѣмоу 11:4.1
 заеметь 11:5.2; 11:6.2
 ѿ него 11:11.13
 вь немь 11:11.14
 възлюбени 23:11.2
 моленнемь 24:2.6
 отъ неа 24:2.8
 хоуленне 24:15.4
 молеве N.pl. 25:8.1
 вь нен 25:9.3
 вь нен 25:10.8
 моленье 25:10.17
 моленна 25:10.27
 блгнне 25:13.2
 гнѣ 25:13.2
 озъловень 25:16.4
 молениа 25:16.16
 ослабено 25:16.17

Воскр. 30 – В

отъ него 27:1.20
 понкжк 27:6.3; 35:4.1

Троицк. 12

гльмь 64.16
 гльмыа 64.20
 прѣстоупленна 65об.1
 оустрьмленна 66.9–10
 занк 66.21; 67.12;
 70об.22; 72об.9
 вьнигда 66.23
 рачителк 66об.13
 ѿемлемь 68об.3
 ближнѣмоу 69.9
 заеметь 69.15–16; 69.17
 ѿ него 69об.22–23
 вь немь 70.1
 възлюбленни 71об.3–4
 молениемь 72.10
 ѿ нка 72.12
 хоуленн 73.8
 молке 74.7
 вь нн 74.13
 вь нн 74об.1–2
 моленик 74об.9
 молениа 74об.16
 благословленн 75.2
 гнк 75.2
 озловень 75.15
 молениу 75об.4
 ослабкно 75об.5

Троицк. 12

отъ него 79об.1
 понкже 79об.18; 87об.15

оудавкниа 27:7.3	оудавкниа 80.4
възлюбени 27:8.9	възлюбленни 80.12
оумилениемь 27.12.3	оумилениемь 80об.9–10
зане 27:14.33	занк 82об.15
възлюбени 27.15.1; 33:14.1	възлюбленни 80.12; 86.10–11
ослабенаго 27:19.2	ослабкнаго 83.20–21
къ нкмоу 27:19.8	къ нкмоу 83об.3
глеть 32:5.3; 33:11.1	глеть 84.13; 86.1
сълеть 32:7.1	сълеть 84.18
порабень 33:1.15	порабень 85.20
хранениемь 33:1.18	хранениемь 85.23
глеть 33:8.1	глеть 86об.18

В одном случае палатальный сонорный остается необозначенным:

глеть 35:6.2	глеть 88.2
--------------	------------

Для части, переписанной первым писцом Троицк. 12 с текста, принадлежащего писцу В Воскр. 30, важны не только примеры, в которых появляется отсутствовавшее в антиграфе обозначение палатального сонорного, но и те – очень многочисленные и совершенно последовательные – случаи, когда устраняется *к*, поставленное писцом В после других согласных, в том числе сонорных. Приведу несколько примеров:

речк 27:5.1	рече 79об.13
вьскн 27:14.30	вьскн 82.14
севи 32:9.2	севе 84.22
нк 32:10.5	не 84об.7
мкни 32:10.7	мене 84об.9

Ряд обозначений палатального сонорного встречается во фрагменте, оригинал которого утрачен: молениу 80об.18, волкю 80об.19, къ нкмоу 82.8, моленик 82.9, поновленн 82.14, глеть 82.15–16, 82.20, занк 82.18.

В одном случае переписчик, вопреки своему обыкновению, заменяет форму с /epentheticum на форму без /epentheticum (обычно он делает прямо противоположную замену):

вьстагновленна 7:2.14	вьстагновенна 68.19
-----------------------	---------------------

В одном случае *к* в положении после согласного употреблено не после палатального сонорного:

зъловѣжш ^т ен 6:1.41	зловѣжшкни 66об.1
---------------------------------	-------------------

Итак, в обследованной части коэффициент выраженности составляет 55/56 или 98%, так что не может быть сомнения в том, что писец основывается на реальной фонологической оппозиции⁶. Совокупность примеров не разбивается на небольшое число простых классов и тем самым не может быть объяснена как результат применения писцом простых правил. Таким образом, устанавливается, что еще в конце XII – начале XIII в. оппозиция палатальных и непалатальных сонорных в восточнославянских говорах продолжала существовать. Поскольку в более поздних рукописях – второй половины XIII – XIV вв. – палатальные сонорные вообще не обозначаются или их обозначения носят реликтовый характер, можно полагать, что палатальные сонорные как особые фонемы исчезают именно в конце XII – начале XIII в. Из этого и следует исходить при построении восточнославянской исторической фонетики.

5. Итак, рукописные данные, будучи последовательно интерпретированы, показывают, что нейтрализация оппозиции палатальных и непалатальных сонорных происходит в тот период, когда в восточнославянских говорах завершается процесс падения редуцированных (о датировке этого процесса см.: Зализняк 1986, 122–124; Зализняк 1993, 241–270). Это означает, что палатальные сонорные исчезают тогда, когда появляется фонологическое противопоставление твердых и мягких согласных. О том, что оба эти процесса происходят после падения (и прояснения) редуцированных, говорят и материалы псковских говоров, собранные и проанализированные С. Л. Николаевым. По его наблюдениям, «Специфической чертой псковских говоров, а точнее тех говоров, которые расположены на старой псковской территории, является переход *ь > е либо ы и *ь > ъ перед мягкими сонантами, причем только перед теми, которые были исконно мягкими в праславянском... либо смягчились в положении перед *j* после падения редуцированных в данной позиции (например, в распространенном суф. *-ъје)» (Николаев 1988, 121). Примерами могут служить рефлексы *а-дълье типа *адънье*, *въ-дъльъ типа *вдъльь*, *гълькѣ типа *гълькѣ* и т. д. (там же, 122–123). Это специфическое развитие ь не имело места перед палатализованными сонантами (т. е. перед непалатальными сонантами в положении перед передней гласной), например, *огъль со вставным -ь-... всегда дает формы с -о- (там же, 125). Отсюда следует, что в момент прояснения редуцирован-

ных (т. е. заведомо позднее падения слабых редуцированных) оппозиция палатальных и непалатальных сонорных сохранилась. Сонант же в рефлексах типа *адънье* имел особый характер, поскольку после падения редуцированного в последовательности -*льj*- он делался палатальным в результате ассимиляции с *j*. Таким образом, после падения и прояснения редуцированных палатальные сонорные продолжают существовать и возникает тройное противопоставление /*l*, *n* – *l̄*, *n̄* – *l'*, *n'*/, именно его упрощение, которое можно датировать концом XII – началом XIII в., и приводит к устранению палатальных сонорных.

Можно было бы считать, что данный вывод исчерпывает тему, если бы не одно частное обстоятельство, которое нуждается в дополнительном комментарии. Говоря о палатальных сонорных, мы рассматривали исключительно /*l̄*, *n̄*/, тогда как /*r̄*/ (из **rj*) никак не упоминалось. Это неравенство обусловлено тем обстоятельством, что в восточнославянских рукописях /*r̄*/ практически никогда не обозначается. Восточнославянские рукописи отличаются в этом отношении от старославянских (точнее, от Зографского евангелия), в которых знак палатальности (камора) может стоять как над /*l̄*, *n̄*/, так и над /*r̄*/. Хотя в Зографском евангелии /*r̄*/ обозначен менее последовательно, чем /*l̄*, *n̄*/ (а в Супрасльской рукописи вообще не обозначается – в отличие от /*l̄*, *n̄*/), существование этих обозначений дает основание говорить о том, что по крайней мере в части болгарских и македонских диалектов наряду с фонемачи /*l̄*, *n̄*/ имела и фонема /*r̄*/. Отсутствие специальных обозначений для /*r̄*/ в восточнославянских рукописях, отмечающих /*l̄*, *n̄*/, свидетельствует, напротив, о том, что в восточнославянских диалектах, сохранивших фонемы /*l̄*, *n̄*/, фонема /*r̄*/ была утрачена, т. е. совпала с /*r*/.

Именно на такое развитие указывают данные второго почерка Остромирова евангелия. Палатальные /*l̄*, *n̄*/ обозначаются здесь с помощью последующей йотированной гласной *к*, *а* и *ѣ*. Коэффициент выраженности высок, случаи, когда обозначение отсутствует, единичны (см. примеры: Козловский 1895, 20). Несколько раз, однако, встречается и другое обозначение, а именно *л* (а с крючком), при этом в одном случае крючок может перемещаться (в перевернутом виде) на последующую гласную (см. о таких обозначениях: Голышенко 1987, 44). Всего в Остромировом евангелии пять таких написаний: *слѣши* 291г.17, *слѣ* 293г.4, 15, *въдѣлѣтъ* 127г.3 и *правдаше* 294в.4 (Козловский 1895, 17, 20). Естественно интерпретировать их как следы болгарского

протографа, в котором употреблялось данное обозначение /ī/ (скорее всего также и /ñ/): писец Остромирова евангелия использовал другое обозначение, заменяя соответствующие знаки своего оригинала; в нескольких случаях, однако, он этой замены не сделал, повторив начертание оригинала. В четырех случаях аналогичные реликтовые обозначения появляются и для /ř/: лазаръа 142в.13, 18, 143б.10, сътворъж 166б.4 (Козловский 1895, 17). И в отношении этих написаний можно предположить, что они восходят к более последовательному обозначению /ř/ в болгарском протографе. Таким образом, в оригинале, который копировал писец Остромирова евангелия, были как обозначения /ī, ñ/, так и обозначения /ř/. Для /ī, ñ/ писец употребляет иное эквивалентное обозначение, для /ř/, однако, он подобного эквивалента не ищет и не употребляет. Наиболее вероятное объяснение состоит в том, что обозначения /ī, ñ/ обладали для него фонетической реальностью и воспроизводились, тогда как обозначения /ř/ такой реальностью не обладали и потому в большинстве случаев не воспроизводились. Это и означает, что в фонологической системе данного (восточнославянского) писца сохранялись фонемы /ī, ñ/, но не сохранялось /ř/.

Такое развитие может рассматриваться как естественное. Тенденция трактовать /ī, ñ, ř/ как единое целое, переживающее общие изменения, возникает из-за общности их происхождения из сочетаний сонорных с /j/ и из-за удобства описания, привычно помещающего три этих фонемы в одну рубрику. Между тем, если противопоставление /l, n – ī, ñ/ широко распространено в языках мира, то противопоставление палатального и непалатального дрожащего (/ř – r/) представляет довольно редкое явление. Можно утверждать, что если в языке есть противопоставление палатального и непалатального дрожащего, то в нем есть противопоставление других палатальных и непалатальных сонорных⁷. Эта синхронная универсалия коррелирует с диахронической закономерностью: палатальный дрожащий является наиболее уязвимым элементом системы и при исчезновении палатальных сонорных исчезает не позднее (возможно, ранее), чем другие палатальные сонорные.

Эта закономерность реализуется и в истории славянских языков. Как было показано выше, есть основания предполагать, что /ř/ совпало с /r/ ранее, чем /ī, ñ/ с /l, n/, у восточных славян, причем эти совпадения были двумя разными, по-разному мотивированными изменениями. Утрата /ř/ из *rj имела место в сербо-

хорватском, при том что /ī, ñ/ здесь сохранились, так что и в этом случае совпадение /ř/ и /r/ оказывается особым процессом, не имеющим отношения к судьбе других палатальных сонорных. Единственным славянским языком, в котором сохранились особые рефлексy *rj (впрочем, не как палатального дрожащего, но в виде сочетания согласных /rj/), является словенский; показательно, однако, что и в нем при исчезновении палатальных сонорных в конце слова /ř/ совпало с /r/ существенно раньше, чем /ī, ñ/ с /l, n/ (Карлтон 1991, 312). Хотя утрата /ř/ характеризует почти все славянские языки, нет оснований считать, что это общий для них процесс: устранение /ř/ представляет собой типологически ожидаемое изменение, и поэтому в разных славянских ареалах оно может происходить вне связи одного процесса с другим. Таким образом, восточнославянские рукописи XI–XII вв. отражают реальное состояние фонологической системы, в которой наличествуют палатальные сонорные /ī, ñ/, но отсутствует /ř/.

6. Подведем некоторые итоги. Адекватная интерпретация восточнославянских рукописей XI–XII вв. показывает, что в восточнославянских говорах в этот период сохранялось противопоставление палатальных и непалатальных сонантов /ī, ñ – l, n/. Несмотря на то, что обозначения для этих фонем отсутствовали в азбуке, различные способы их фиксации проведены в ряде восточнославянских рукописей XI–XII вв. с достаточной последовательностью. Это выражается, во-первых, в незначительном количестве неоправданных употреблений таких обозначений, когда знак палатальности поставлен при непалатальном сонорном, во-вторых, в высоком коэффициенте выраженности данной оппозиции, характеризующем ряд рукописей. Особенно показательно, что в Троицком сборнике конца XII – начала XIII в. обозначение палатальных сонорных, характеризующееся высоким коэффициентом выраженности, может быть отнесено к самой рукописи (к самостоятельной работе писца), а не к ее оригиналу. Это позволяет утверждать, что оппозиция /ī, ñ – l, n/ была свойственна восточнославянской фонологической системе еще в то время, когда завершался процесс падения и прояснения редуцированных (конец XII в.).

В отличие от палатальных сонантов /ī, ñ/ палатальный дрожащий /ř/ в восточнославянских рукописях не обозначается. Можно

полагать, что это обусловлено слиянием /r/ и /r/, которое было отдельным изменением, происходившим существенно раньше слияния /ī, ñ/ с /l', n'/ и вне зависимости от этого процесса. Устранение из фонологической системы палатального дрожащего мотивировано типологически периферийным статусом данной артикуляции как универсальным свойством языка. Следы обозначения /r/ обнаруживаются только в Остромировом евангелии, могут быть отнесены на счет южнославянского протографа и по типу фиксации ближайшим образом напоминают употребление знаков для /ī, ñ/ в восточнославянских рукописях второй половины XIII–XIV вв., т. е. того периода, когда эти фонемы были утрачены фонологической системой живого языка.

Эти данные говорят о том, что утрата палатальных сонорных /ī, ñ/ совершается после падения редуцированных. В силу этого нет необходимости постулировать отдельный процесс так называемого «вторичного смягчения согласных», якобы имевший место до падения редуцированных, призшедший к формированию корреляции палатализованных и непалатализованных согласных и тем самым мотивировавший слияние /ī, ñ/ с /l', n'/.

Утрата палатальных сонорных /ī, ñ/ в восточнославянских (и западнославянских) диалектах действительно мотивирована возникновением данной корреляции, однако ее возникновение следует рассматривать как результат падения редуцированных, после которого в конце слова (и перед согласным) твердость-мягкость фонологизируется, что обуславливает рефонологизацию этого противопоставления в других позициях. Слияние /ī, ñ/ с /l', n'/ продиктовано стремлением преобразовать трехчленную оппозицию сонантов /l, n – l', n' – ī, ñ/ в двухчленную. Это преобразование осуществляется в конце XII–начале XIII в.

Примечания

¹ Г. Лант предпочитает думать, что отсутствие знаков для палатальных сонорных в азбуке, созданной Кириллом, было обусловлено тем, что в македонском диалекте, на который ориентировался Кирилл, палатальные совпали с непалатальными. Это позволяет спасти тезис о последовательной фонологичности первоначальной глаголицы и продолжать считать, что «for Cyril, the relation of phoneme to letter was almost a one-to-one correspondence» (Лант 1949, 41). Не обсуждая сейчас вопрос о том, какие трудности создает такой тезис для македонской истории

ческой фонологии, замечу, что нет никаких оснований приписывать св. Кириллу установки лингвиста-фонолога, озабоченного адекватным воспроизведением фонологической системы. Отступления от фонологического принципа были и в греческой азбуке, и вряд ли св. Кирилл ощущал их как недостаток. Такого же рода отступления он мог допустить и для азбуки славянской.

² Для ж подсчеты затруднены тем обстоятельством, что эта буква приобретает в восточнославянской письменности функцию стандартного обозначения фонемы /ā/ после согласной и в этом качестве употребляется, естественно, и в тех формах, которые содержат этимологическое *ǰ. Коэффициент выраженности в этом случае близок к случайному вероятностному распределению. Более показательны данные для ж, во многих рукописях коэффициент выраженности здесь ничтожен.

³ Понятно, что такая сознательная установка обнаруживается не во всех рукописях. Как уже было сказано, есть рукописи, в которых никакие обозначения для палатальных сонорных не употребляются. К этой категории ближайшим образом примыкает та группа памятников, в которых появляются окказиональные обозначения палатальных сонорных. Например, в ряде почерков Учительного евангелия XII в. (ГИМ, Син. 262) палатальные сонорные обозначаются с помощью йотированных ю, љ, однако такие обозначения единичны (Гольцшенко 1987, 85–87); хотя «ошибочные» написания, т. е. употребление букв ю, љ после непалатальных сонорных, практически отсутствуют, сознательная установка писца на передачу интересующей нас оппозиции, видимо, не просматривается. Такую же ситуацию наблюдаем в первом почерке ноябрьской Минеи конца XI–начала XII в. (ГИМ, Син. 161). Мы находим в ней 21 случай обозначения /ī/и /ñ/ с помощью ю, љ: доблѣсти (ю исправлено из и) 7, колѣблѣми 21об., штидѣхновѣна 40об., вѣселѣнѣи 61, вѣс чѣла 75, емѣануѣла (Acc.sg.) 75, шана 76, вѣселѣноуѣ 77, вѣсчѣлашана (Acc.sg. masc.) 84об., томѣтѣла (Acc.sg.) 87, поклонати сѣ 91, ис чѣла 93, датѣла (Acc.sg.) 96, матерѣшана 103об., пѣвѣнѣна 104об., вѣ послѣдѣна 104об., вѣвѣдовѣнѣна 130, радѣшѣла (Acc.sg.) 141об., молѣнѣи (ю исправлено из и) 145об., дреклѣ 160об., вѣвѣслѣнѣна 167. Ошибочные написания отсутствуют: в штидѣхновѣна /β/ закономерно появляется в результате ассимиляции с /γ/ (ср. Васильев 1913), емѣануѣла представляет собой заимствование, произношение которого писец не мог проверить с помощью разговорных речевых навыков. Остается неясным, возникает ли такая картина в силу того, что писец, умеющий в принципе обозначать палатальные сонорные, относится к этому занятию с полным пренебрежением, или в силу того, что он окказионально воспроизводит правильные формы из переписываемого им оригинала, в котором обозначение палатальных сонорных проводится достаточно последовательно.

⁴ Н. Н. Дурново, выдвигая тезис о нефонологическом характере обозначения палатальных сонорных в русских рукописях XI–XII вв., несколько раз пытался сформулировать те правила, которыми мог бы руководствоваться восточносла-

вянский писец. В «Очерке» он пишет, что правильность в обозначении палатальных «в значительной степени объясняется тем, что эти буквы встречались в определенных категориях слов, которые нетрудно было запомнить: *н* с крючком — в косвенных падежах местоимения и с предлогами: *съ нимъ* и т. п., в прилаг. *господьнъ*, в существительных на *ня* или *ни*, *л* с крючком — после губных в конце основы и у существительных на *ля*, кроме того, те памятники, которые употребляли эти буквы также перед юсом малым, могли руководиться правилом, что они пишутся в глаголах на *-нати* и *-лити*» (Дурново 1924, 145). В работе о «смягченных согласных» в Архангельском Евангелии он приводит несколько другой набор: «Для большинства случаев, в которых в старославянском были звуки *і, љ, њ*, орфографическое правило о правописании *л, н, љ, њ* или *лн, нн, лѣ, нѣ* было нетрудным: *і* являлось после губных перед суффиксальными гласными (*въздвоинѣ, землѣ, крѣплѣнѣ, оставѣ, но влекѣу*), *н* в формах местоимения и с предлогами (*оу няго, за на, съ игни, вѣтъ*); кроме того, *н, і* в глаголах 1-го спр. на *-ю, -ю* (*оумолю, глаголюи и пр.*), в причастиях на *-енъ* (*въздранитѣ и пр.*), в отглагольных существительных на *-енкѣ* (*законикѣ и пр.*), в имперфектах на *-яхъ* (*храняхъ, оумолахъ*) и пр. Для того, чтобы усвоить это правило, не было надобности в знании грамматики» (1924, 599–600). Очевидно, чтобы добиться последовательно правильных написаний, писец должен был бы запомнить категории, входящие как в первый, так и во второй список. Сомнительно, что восточнославянские писцы пользовались столь обширными наборами правил. Если бы правописание определялось правилами, следовало бы ожидать, что число ошибок будет находиться в зависимости от сложности правила (как это имеет место в новгородских рукописях, стремящихся различать *д* и *ч* — см. Живов 1984); в правописании палатальных сонорных такой зависимости не наблюдается.

³ Границы этого почерка определены Н. Б. Тихомировым: «С середины л. 64, где Прологом из Пандект Антиоха черноризца начинается '2-ая часть' сборника... появляется новый почерк — первый почерк '2-ой части'... Сл. 67 в этом почерке начинают появляться 'вкрапления' нового почерка (второго во '2-ой части'). Им писан текст на лл. 67 (7 строка снизу) — 68 (3 св.), 70 (с заголовка — 7 св. — до конца страницы), 75об. (10 св.) — 79 (8 св.), 81об. (вся страница), 86об. (10 св.) — 87об. (6 св.). На л. 88 (9 св.) первый почерк кончается, и далее текст пишется вторым почерком» (Тихомиров 1968, 128–129).

⁴ В отличие от *н, љ* в рассматриваемом фрагменте рукописи Троицк. 12 не может считаться способом обозначения палатальных сонорных. Во многих случаях, тем не менее, *н* после палатальных сонорных употребляется, причем как в соответствии с *н* антиграфа, например:

Воскр. 30	Троицк. 12
нѣтрѣнаго б:1.15	оуѣтрѣнаго бб.3
гѣа 11:2.1	гѣа 69.5
тѣа 11:9.8	тѣа 69об.9,

так и в соответствии с *н* антиграфа, например:

въздранан б 1.72	къздранан б7.1
понавлаетъ сѣ 7:2.1	понавлаетъ сѣ 68.10
вскръѣааи 15:10.2	вскръѣааи 74.19.

Однако *н* может употребляться и после других согласных, причем опять же как в соответствии с *н* антиграфа, например:

понанн 23:4.4	понанн 79об.23
нѣ 25:16.21	нѣ 75об.11
сѣ 25.17.10	сѣ 75об.18,

так и в соответствии с *н* антиграфа, например:

сѣ 25.17.2, 25:17.3	сѣ 75об.12, 75об.14
---------------------	---------------------

Возможны вместе с тем противоположные соотношения, т. е. появление *н* вместо *н* после палатальных сонорных, например:

гѣа 7:2.33	сѣа. 68об.12,
------------	---------------

равно как и после других согласных, например:

врѣаи 11:9.2	врѣаи 69об.3
--------------	--------------

Наконец, *н* антиграфа после палатальных сонорных может переноситься в апограф без замены, например:

адамн Р.3.13	адамн б5об.1
оставлаеи 27:14.22	оставлаеи б2об.8

Тем самым единственная функция, которая может быть приписана графеме *н*, — это обозначение фонемы /а/, т. е. та же функция, что и у *н*. Ситуация здесь аналогична той, которая наблюдается во втором почерке Архангельского евангелия и привела Н. Н. Дурново к необоснованным выводам. Как и в случае с Архангельским евангелием, никаких выводов о палатальных сонорных на основании употребления *н* сделать нельзя.

⁷ Противопоставление по месту образования у дрожащих или флелов (апико-альвеолярный и палатальный ретрофлексный, дентальный и палатальный) широко представлено в языках австралийских аборигенов, например, в Nyangumada (О'Грейди 1960), Gugu-Yalanji (Оатс 1964), Pitjantjatjara (Гласс и Хаккетт 1970), Gogo-Yimidjir (Цванн 1969), Kalkatungu (Блейк, б. д.). Во всех этих языках то же противопоставление по месту образования имеет место и у других сонорных (латеральных и носовых). Противопоставление дорезальных и аликвальных дрожащих представлено в фонологической системе гуджарати (Саветьева 1965), и в этом случае это же противопоставление имеется у носовых и шепелявых

сонантов. В то же время широко распространены языки, в которых противопоставление по месту образования (дентальный и палатальный, аликальный и ретрофлексный) представлено у носовых и/или шелевых сонантов, но отсутствует у дрожащих или флепов. Из славянских к числу таких языков относится сербохорватский, многочисленные примеры находим в индо-арийских языках (сингальский, синдхи, маратхи, панджаби).

Следует, в принципе, различать два процесса: утрату /r/ и диспалатализацию дрожащего сонанта перед передними гласными. Утрата /r/ состоит в том, что палатальный дрожащий перестает отличаться от дентального дрожащего, т. е. происходит смена места образования. Этот процесс характеризует почти все славянские диалекты. В результате /r/ переходит в /r/, поскольку во всех этих случаях речь идет о позиции перед передним гласным, фонетически рефлексом палатального дрожащего оказывается [r]. Артикуляция этого звука также может рассматриваться как неудобная: «combination of the basic trilling articulation with the definitely non-trilling palatalizing movement of the tongue», как описывает ее Г. Шевелов (1979, 192). Поэтому в части тех диалектов, которые утратили /r/, было затем утрачено и [r] — либо в результате аффрикации (польский и чешский), либо в результате замены на [r] (болгарский, украинские и южнобелорусские говоры). Это последнее изменение распространялось как на рефлексы /r/ ([rvoŕ'ù > rvoŕ]), так и на рефлексы /r/ перед передним гласным ([r'iza > riza]), и поэтому собственно к утрате палатального дрожащего отношения не имело. Это фонетическое преобразование, происходившее в разных диалектах в разное время, фонологически могло выглядеть как переход палатализованного /r'/ в непалатализованный /r/, если в диалекте существовала корреляция твердых и мягких согласных (например, в южнобелорусских говорах), или как замена последующей передней гласной на заднюю гласную, если корреляция твердых и мягких отсутствовала (сербские говоры). В ряде говоров, обладавших корреляцией твердых и мягких, палатализованное /r'/ изменениям не подверглось: дрожащий остался в числе парных по твердости-мягкости звуков (севернобелорусские и русские говоры). Неверно было бы поэтому противопоставлять, скажем, русские и украинские говоры по судьбе /r/ (как это делает Г. Шевелов — 1979, 192, — не различающий утрату /r/ и отвердение /r'/), различие между ними состоит в разной судьбе палатализованного /r'/ и, очевидно, возникает позднее, нежели то время, когда происходила утрата /r/.

Литература

- Блейк, б. д. — *V. Blake*. A Brief Description of the Kaigatungu Language. Unpublished manuscript. Australian Institute of Aboriginal Studies. Canberra, s. a.
 Васильев 1913 — *Л. Васильев*. Об одном случае смягчения звука л в общеславянском языке, являвшегося не посредством следующего за ним древнего j // Русский филологический вестник, LXX (19.3), 71–76. Цит. по: *Л. Ва-*

- сильев*. Труды по истории русского и украинского языков. München, 1972, 449–454 [Slavische Propylaen, 94 Bd.]
 Гласс и Хаккетт 1970 — *A. Glass, D. Hackett*. Pŕajapŕajara Grammar: A Tagmemic View of the Ngunyŕajara (Warburton Ranges) Dialect. Canberra, 1970 [Australian Aboriginal Studies, 34]
 Гольщенко 1987 — *В. С. Гольщенко*. Мягкость согласных в языке восточных славян XI–XII вв. М., 1987
 Дурново 1924 — *Н. Н. Дурново*. Очерк истории русского языка. М., Л., 1924
 Дурново 1924а — *Н. Н. Дурново*. К истории звуков русского языка II. Старославянские смягченные согласные в Архангельском Евангелии // Slavia, год II, seš. 4 [1924], 599–612.
 Живов 1984 — *В. М. Живов*. Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI–XIII века // Russian Linguistics, vol. 8 [1984], no. 3, 251–293
 Зализняк 1985 — *А. А. Зализняк*. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
 Зализняк 1986 — *А. А. Зализняк*. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986, 89–219.
 Зализняк 1990 — *А. А. Зализняк*. «Мерило праведное» XIV века как акцентологический источник. München, 1990 [Slavistische Beiträge, 266]
 Зализняк 1993 — *А. А. Зализняк*. К изучению языка берестяных грамот // *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993, 191–321.
 Каратон 1991 — *T. R. Carleton*. Introduction to the Phonological History of the Slavic Languages. Columbus, 1991
 Козловский 1895 — *М. М. Козловский*. Исследование о языке Остромирова Евангелия // Исследования по русскому языку. Т. I СПб., 1895, 1–127
 Лант 1949 — *H. G. Lunt*. The Orthography of Eleventh Century Russian Manuscripts. University Microfilms, Ann Arbor, Michigan, 1949.
 Николаев 1988 — *С. Л. Николаев*. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования, 1986. М., 1988, 115–154
 Оатс 1964 — *L. Oates*. Distribution of Phonemes and Syllables in Gugu-Yalanji — Anthropological Linguistics, 6 [1964], 1, 23–26.
 О'Грейди 1960 — *G. N. O'Grady*. New Concept in Nyungumada. Some Data on Linguistic Acculturation // Anthropological Linguistics, 2 [1960], 1, 1–6.
 Поповски 1987 — *J. Popovski*. Najstariji par antigrafa i apografa u slovenskoj pismenosti // Paleographie et diplomatique slaves, 3.
 Поповски 1989 — *J. Popovski*. Die Pandekten des Antiochus Monachus. Slavische Übersetzung und Überlieferung. Amsterdam, Nijmegen, 1989.